

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Рассматривается связь земельной политики и проблем экологии. Путем раздачи свободных земель и переселения крестьян в Сибирь правительство регулировало социальные отношения. Решение споров зачастую завершалось миграцией той или иной группы, экстенсивным и нередко хищническим использованием природных богатств.

Ключевые слова: земельная политика, экология землепользования, сибирское крестьянство.

В пореформенный период казна и Кабинет приступили к хозяйственному использованию земель и лесов Сибири. Государство законодательно ставило вполне прогрессивные задачи распространения хлебопашества по всей Сибири [1. Л. 5], сохранения природных богатств и планировало их выполнение. Выпускались многочисленные постановления о распространении хлебопашества в сибирских губерниях об усовершенствовании земледелия и достижении богатства и изобилия [2. Л. 10], о тружениках села; проявлялась забота о сохранении потенциала их хозяйства как основной тягловой единицы [3. С. 18]. Поддерживая в различных регионах Сибири развитие земледелия, государство добивалось увеличения посевов путем привлечения «к хлебопашеству все большего количества местного населения» [4. Л. 5].

В 1910 г. выходят циркуляры Департамента Земледелия о мерах по развитию культуры кормовых растений в крестьянской среде. Правительственным агрономам предписывалось заняться проведением народных чтений на различные темы: о возделывании кормовых растений, о борьбе с засухами, об удобрениях, об уходе за лугами и уборке трав, о выгонах для скота, об устройстве хуторов и т.д. [5. Л. 2, 13]. В этих целях принимались постановления об усовершенствовании земледелия и проводились ассигнования средств на сельскохозяйственные улучшения из сумм земских сборов [6. Л. 7]. В постановлениях подчеркивались причины такой государственной политики: упадок земледелия и хозяйства крестьян, ведущихся примитивными приемами, их несоответствие изменившимся экономическим условиям; ставилась задача «улучшения техники земледелия» [6. Л. 7]. Государственная политика в Сибири имела несколько целей, одной из которых было упорядочение отношений землепользования. Однако оставалась неразвитой земельная собственность, результатом чего стала «неопределенность и постоянная изменчивость объемов прав казны и крестьянства на земельные участки» [7. С. 50].

В Сибирском управлении присутствовали ведомственные противоречия [7. С. 213], четкой программы по освоению Сибирского региона не было. Поземельно-устроительные работы в предшествующий период не были завершены, поэтому постоянно возникали споры по землепользованию как между различными сельскими обществами, так и внутри них. Для решения этих вопросов было необходимо составить и выдать отводные записи на владение землей. Сохранялись правила уравнительного наделения землей по количеству душ мужского пола и традиционные права общин при наделении крестьян землей.

Государственная политика в Сибири преследовала прежде всего политические цели. Создание земельно-

арендного и лесного хозяйств не сулило государству немедленных и крупных доходов, оно было задумано скорее как средство наступления на захватное крестьянское землепользование, как форма земельного притеснения крестьян с целью получения доходов от аренды в будущем. Аграрные законы исследуемого периода определяли единую норму наделения и одинаковый размер платежей для всех крестьян, что способствовало экстенсивному характеру сибирского земледелия [8. С. 264].

Поземельное устройство крестьян в Сибири в Томской, Тобольской, Иркутской, Енисейской губерниях определялось предложенными Государственным Советом 24 ноября 1866 г. и утвержденными императором правилами об административном и поземельном устройстве государственных крестьян в этих губерниях на общих с крестьянами Европейской России основаниях. Вследствие этого в 1870-х гг. при Министерстве государственных имуществ была образована особая комиссия под председательством барона Медема, которая пришла к заключению о необходимости выработать для Западной и Восточной Сибири общее положение о поземельном устройстве ее сельских жителей [9. Л. 1]. Эти документы закладывали административные основания поземельного устройства крестьянских хозяйств Сибири.

Организовывались экспедиции в Сибирь для получения информации экономического, социально-политического, этнографического, географического и экологического характера [2. Д. 477. Л. 54об.; 10. Д. 114. Л. 11; Д. 115. Л. 11; Д. 119. Л. 11; Д. 373. Л. 33; Д. 973. Л. 81; 11. Д. 21740. Л. 220об.]. В задачи экспедиций входили конкретные исследования особенностей природы края [12. Д. 165. Л. 16; Д. 175. Л. 17]. Исследовались земли, некоторые рассматривались как «непригодные для образования переселенческих участков» [13. Оп. 8. Д. 45027. Л. 15об.]. Полученные материалы о Сибири от командированных на места чиновников содержали исследования местной специфики [14. Д. 142. Л. 20]. Первоначально запланированная программа массового переселения крестьян в Сибирь, одновременно с увеличением числа исследований, должна была быть подвергнута «значительному изменению в смысле большего приспособления к местным условиям...» [9. Л. 3].

В канцелярии Иркутского генерал-губернатора с целью исследования экономического быта населения Иркутской и Енисейской губерний 1887 г. формулируется распоряжение об организации особого отряда из чинов ведомств Министерства государственных имуществ для изучения условий быта сельского населения с целью нормализации устройства. Подчеркивалось, что при крайней запутанности земельных отношений крестьян с местными жителями разрешение вопроса о поземельном устройстве сельского населения в Вос-

точной Сибири «необходимо ускорить» [15. Д. 621. Л. 6]. При этом ставилась задача выяснить, как на местах пользуется община лесом: строевым и древесным; велики ли заработки от лесного промысла; занимаются ли крестьяне рыболовством, звероловством и охотой, пчеловодством и имеются ли заработки от этих промыслов и какие, а также «выяснить названия существующих сельских сборов и повинностей» [15. Д. 621. Л. 16]; изучить способы пользования землями и угодьями; выявить, какой способ пользования землей преобладает: общинный, подворный, смешанный и т.д., встречается ли захватный способ [15. Д. 621. Л. 34], в каком состоянии пользование лесом: «рубят ли каждый, сколько хочет, или каждый крестьянин получает от мира участок» [15. Д. 621. Л. 44]. Природоохранные проблемы, таким образом, попадают косвенно в поле интересов государственных органов.

В отчетах, поступавших в Главное управление Восточной Сибири, подчеркивается, что «земля в енисейских дачах не размежевана и наделение узаконенной пропорцией крестьян и поселенцев еще не произведено, отчего не известно, какие лесные дачи будут оставаться в казенном ведомстве, где, сколько и какие поступают «в наделы в узаконенную пропорцию» [16. Д. 7. Л. 2]. Поземельные партии состояли из чиновников, которые из-за бюрократизма и в связи с большим объемом прирастающего населения оказывались «не способными преодолеть неразбериху» при распределении и дележе земли [16. Д. 7. Л. 5л].

По мере роста численности населения, усиленного притоком переселенцев с запада, а также с естественным приростом населения к концу XIX в. наиболее хлебобородные районы Сибири стали испытывать недостаток земель, что вело к нарастанию недовольства в крестьянской среде. Ситуация усугублялась тем, что земли казны, Кабинета, казаков, крестьян и аборигенов до 1890-х гг. оставались размежеванными.

Крестьянское землевладение в Сибири имело юридически ограниченный характер. Размеры и конфигурации крестьянских владений предполагалось определять «ситуационными планами», составленными в результате межевания в 1827 г. [17. Л. 7]. Предписывалось руководствоваться при разрешении земельных споров только этими планами, несмотря на их заведомую неточность в связи с изменениями численности населения в результате вольных поселений и захватного способа землевладения, характерного для Сибири. Государство не допускало полной собственности крестьянина на землю. Все сельское население Сибири – переселенцы и старожила, русские и инородцы устраивались на земле не как ее полноценные хозяева, не на правах собственности, а лишь на началах постоянного пользования [6. Д. 437. Л. 18]. Сохранявшаяся правительством неопределенность крестьянских прав на землю давала широкие возможности для «регулирующего» вмешательства чиновников в поземельные отношения. Непоследовательная земельная политика государства препятствовала стабилизации социальных отношений в сельском хозяйстве, что негативно сказывалось как на эффективности земледелия, так, в конечном счете, и на экологии. Длительность обработки земельных участков, содержание их в залежи, качество и

сроки всех полевых работ, возможность применять усовершенствованные орудия труда, удобрять пашню, а также набор сельскохозяйственных культур в крестьянском хозяйстве зависели от степени его состоятельности и самостоятельности. Требовался переход к интенсивному типу ведения хозяйства. Изменения планировалось начать с выпуска и претворения на практике правительственных циркуляров, в которых подчеркивалась необходимость повышения культурного уровня населения [10. Д. 6. Л. 1об.; Д. 58. Л. 6; Д. 71. Л. 7; Д. 975. Л. 30].

Контроль за хлебопашеством в Сибири осуществлялся часто «насаждением земледелия» [12. Д. 357. Ч. 1. Л. 37об.; 18. Д. 332а. Л. 1; Оп. 36а. Д. 4. Л. 1]. При этом государство брало на себя роль контролера и воспитателя. На участках, в коих лесные наделы не ограничены, заведующий водворением содействует составлению сельскими общинами лесоохранных приговоров, разъясняя переселенцам полезность выдела лесных наделов. Такой заведующий должен был следить за точным исполнением этих приговоров, отслеживать воздействия на урожай погодных условий. Представителей власти обязывали доносить обо всех проблемах земледелия, тем более если это было связано с денежной оценкой событий. Например, красноярский окружной исправник доносил, что «градом, бывшим 11 июня 1894 г., уничтожены на полях жителей с. Шибинского хлеба, отчего крестьяне понесли убытков на 835 рублей» [19. Л. 1].

Проведение землеустроительных работ требовало длительного времени. Командированный от Русского географического общества Григорьев, работающий при землеустройстве переселенцев на местах, оценивает сложившуюся в поземельном устройстве обстановку как неудовлетворительную и делает вывод о том, что на все поземельное устройство необходимо 27 лет [9. Л. 4]. Выражая явное беспокойство относительно ожидаемых последствий земельного стеснения сибирского старожильского населения, Григорьев предлагает ряд мер к снижению переселений. Особенность сибирской ситуации заключалась именно в том, что поземельное устройство, контролировавшееся сверху, на местах сталкивалось с локальной спецификой [9. Л. 2].

Правительство осознавало необходимость принятия мер по урегулированию ситуации в Сибири, видело, что внедрение переселенцев на земли Сибири приведет реально к возникновению социальных конфликтов и стремилось предотвратить их. Принимались меры к смягчению поземельных споров между переселенцами и старожилами при землеустройстве, вводилось вознаграждение за отчужденные у старожилов земли. Принятием указа от 9 ноября 1906 г. о праве крестьян выходить из общины и закреплять землю в частную собственность планировался целый комплекс мер: разрушение общины, насаждение хуторов и отрубов и переселение части крестьян на окраины Империи. В государственных циркулярах за 1909 г. присутствует идея о том, чтобы «всемерно ограничивать возможность возникновения в Сибири общинной формы землевладения» [6. Д. 437. Л. 1], но переход к уравнительной педельной общине и распределению угодий по душам производить постепенно, не торопиться разрушать общинный строй. Государство считало необходимым

разъяснить населению «все преимущества личного владения перед общинным» [20. Л. 63]. С 1910 г. был взят курс на нарезку земель не в общинное пользование. В то же время в Сибири община была более необходима, т.к. одному хозяину сложно было самому расчищать землю от леса. Столичными чиновниками не осознавалась степень трудоемкости хозяйственного освоения сибирских земель. Кроме того, община охраняла леса от пожаров, несла дорожные повинности, с нее было удобнее взимать налоги. В общине, как правило, соблюдалось земельное равенство. Если у кого-либо земли становилось больше, то на сходе землю делили заново. Действовало следующее правило: на переселенческих участках общинного пользования и на землях, получивших отводные записи сельских обществ, за каждой семьей зачислялось столько душевых долей, сколько имелось в семье «душ мужского пола» [10. Л. 4].

Старожилов обязывали расчищать лес и готовить землю для переселенцев [21. Л. 25, 31 об.]. Причем представлялось весьма желательным, чтобы ими, старожилами, разработка таежных пространств начиналась ранее истощения запаса свободных душевых долей на переселенческих участках, т.к. без предварительной разработки таежных пространств сибирскими крестьянами-старожилами не представлялось бы возможным направить туда переселенцев из губерний Европейской России, к подобной задаче в большинстве случаев совершенно не подготовленных. Авторы этих распоряжений четко не представляли, как выглядят таежные буреломы. При этом, когда старожилы обращались с прошениями о наделении их земель, например сенокосных угодий, то эту землю крестьянам отдавали в аренду на 6 или 12 лет с оплатой по 175 руб. в год. Таким путем арендные участники сохранялись под будущих переселенцев, которым они могли понадобиться [10. Д. 72. Л. 10об.].

Как и ранее, крестьяне-старожилы и переселенцы, вследствие нехватки земель, применяли «захватный» способ овладения землей, не соблюдали запреты, наложенные межеванием. Чиновники на местах, получали циркуляры, включавшие требования об охране от захвата земель, а также о необходимости наблюдения за сохранностью межевых знаков и правильностью пользования земельными и лесными угодьями, чтобы в дальнейшем изыскивать возможность наделения новых переселенцев. Крестьян наделяли и лесными угодьями в целях обеспечения лесными материалами, необходимыми для строительства.

Новоселы в Сибири вступали в контакт с местным населением, имевшим уже сложившиеся типы хозяйственной деятельности. Синтез культурно-производственных межэтнических связей осуществлялся в непрерывном взаимодействии с природной средой. Вначале антропогенная нагрузка на природные ресурсы края была щадящей и не действовала экологически угнетающе, но как только вмещающий ландшафт истощался, возникала потребность обретения большего количества угодий и пашен. В итоге возникали поземельные споры между старожилами, переселенцами и инородцами, а также с Казной и Кабинетом – собственниками земли. Монополия государства на землю, его юридическая сила с трудом осознавались местным

населением. Поскольку политика на местах нередко была лишена разумной гибкости, постоянно возникали и обострялись поземельные споры и иного типа конфликты. Государство, по существу, проводило распределительную землеустроительную политику, а любое перераспределение земельных угодий в условиях обнаружившегося их дефицита, было чревато конфликтами.

Землеустройство переселенцев на местах, выливалось в произвол государства по отношению к землям местных жителей, не учитывая не только культурную самобытность населения, но и его хозяйственно-экономические интересы. Это видно из дел, содержащих прошения, ходатайства, жалобы коренных сибиряков-крестьян и инородцев относительно нарушения справедливости в землеустройстве и просьб узаконить права на угодья «формальным порядком».

Поселяясь на новой земле, переселенцы обживались хозяйством, обрабатывали свой участок земли, а потом узнавали, что это место предназначено по не известным для них планам для других новоселов, что этот вопрос не подлежит обсуждению и по нему вынесен окончательный вердикт. Красноречивой является жалоба крестьянина Сидорова о том, что его обязывают, нарушив привычный уклад, снести усадьбу с надворными постройками, которая якобы незаконно построена. Данное требование формулировалось предельно категорично: «Снести с этого участка земли все постройки» [22. Л. 17].

Краевед, историк И.И. Серебренников в своих путевых заметках свидетельствовал, что землеустройство в Сибири ведется часто бюрократическим путем, почти без участия местного населения. В приговоре крестьян Читинского уезда Урульгинской волости Березовского сельского общества говорится о том, что если межевание на их земле продлится еще два года и они будут платить такие же расходы на содержание чиновников поземельной партии, как и в текущем 1905 г., «то до конца межевания им грозит разорение» [23. Л. 1–4]. Н.М. Ядринцев в черновых записях говорит о той чрезвычайной энергии, какую проявили переселенцы в Сибири; о блестящих результатах, которых они достигли, будучи уверенными в том, что они хозяева своей земли и своего дела: «В каждом шаге новосела замечается усиленное стремление приспособиться к новым условиям быта. Он не только скоро усваивает приемы местной земледельческой культуры и орошения, но и делает в ней прогресс. Материальное довольство крестьян является следствием его душевного спокойствия» [24. Л. 31]. Поземельные споры были обычны уже в 90-х гг. XIX в. Так, старожилы д. Шишкиной жаловались на крестьян из с. Таратухина Тобольской губернии и казаков из селения Мелеево, которые путем поджога огорода в 1904 г. пытались выселить их со спорной земли [25. Л. 4]. Внутри деревень, где общинный контроль потерял свою силу, конфликты за землю происходят между сельчанами, самовольно захватывавшими различные угодья [26. Л. 1]. Ситуация в д. Нижней Почитанке Мариинского округа Томской губернии в 1888 г. ясно показывает, что владения старожилов уменьшаются вследствие прибытия переселенцев. Партии новоселов вызывают недовольство, страх потерять землю, которая отдавалась новоселам [27. Л. 1]. Ста-

рожили просят восстановить законные права на землю, по их разумению, принадлежащую им [28. Л. 95]. Такого рода эксцессы приводили к пожарам как факторам протеста, оказывавшим губительное воздействие на ландшафт.

Итак, материалы исследования показывают, что переселенческие волны, попытки государства поставить под контроль землепользование в Сибири и систематически возникавшие поземельные споры неуклонно вели к ухудшению экономики, к разрушению природной среды. Политика государства была ориентирована на активизацию землеотводных и землеустроительных работ в

Сибири с целью пополнения казны. Государство своим вмешательством в хозяйственные дела крестьянина лишало его чувства хозяина, превращая во временщика, тем самым снимая с него ответственность за экологические последствия хозяйственной деятельности. При всем этом следует заметить, что массовых социальных волнений и протестов до Русской революции 1905–1907 гг. в Сибири не было. Опять-таки главным объяснительным фактором остается обширность и богатство этого природного края. Решение споров зачастую завершалось миграцией той или иной группы, экстенсивным и нередко хищническим использованием природных богатств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 7. Д. 187.
2. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 64.
3. *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний*. Иркутск, 1902. Т. 3. В. 22.
4. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 327.
5. *Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюмО)*. Ф. 185. Оп. 1. Д. 330.
6. РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 478.
7. Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986.
8. Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири: Конец 19-го – начало 20-го в. Новосибирск, 1975.
9. *Государственный архив Красноярского края (ГАКК)*. Ф. 217. Оп. 2. Д. 27 // Статья Григорьева. Главное основание поземельного устройства в Сибири. 1906.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 1.
11. РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 21740.
12. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1.
13. РГИА. Ф. 387. Оп. 8. Д. 45027.
14. РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 142 // О снаряжении экспедиции в Чукотский край для изучения страны и обычаев. 1877.
15. *Государственный архив Иркутской области (ГАИО)*. Ф. 25. Оп. 27. Д. 621 // Дело об исследовании экономического быта сельского населения Иркутской и Енисейской Губерний 1887–1890 гг.
16. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 7. Л. 2 // Дело о мерах к предохранению в Сибири лесов от истребления золотопромышленниками и вообще об устройстве их и объявление их заказными (1650–1861 гг.).
17. *Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК)*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 602.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 332 а // Сравнительный табель о состоянии хлебопашества в Западной Сибири в 1850 г.
19. ГАИО. Ф. 25. Оп. 27. Д. 822 // Дело о посеве и урожае хлебов в 1894 г.
20. ЦХАФАК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5 // Циркуляр по вопросу о решительном моменте перехода от захватной формы землепользования к землепользованию правовому.
21. РГИА. Ф. 385. Оп. 11. Д. 8730 // С учетом о лесных работах по Восточной Сибири за 1889 г.
22. *Государственный архив Томской области (ГАТО)*. Ф. 240. Оп. 1. Д. 300 // Документы о выселении крестьянина С. Ф. Сидорова с земли...
23. ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 17 // Тунгусы о землеустройстве.
24. ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 25 // Черновые рукописи статей...
25. ТФ ГАТюмО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 93.
26. ГАКК. Ф. 244. Оп. 1. Д. 379 // Заявление крестьянина д. Базаихи... о самовольном захвате его земли крестьянами этой же деревни. 1913 г.
27. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 92.
28. ГАИО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 81 // Дело по разбору частных лиц.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 декабря 2008 г.